

Библиотека Классической Литературы

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Белая гвардия
Пьесы
Рассказы

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Б90

Предисловие *Мариэтты Чудаковой*

Серия «Библиотека всемирной литературы»

Оформление *Натальи Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ
художника *Ивана Владимиров*

Булгаков, Михаил Афанасьевич.

Б90 Белая гвардия. Пьесы. Рассказы / Михаил Булгаков. — Москва : Эксмо, 2022. — 640 с.

ISBN 978-5-04-100479-8 (Библиотека всемирной литературы)

Сегодня литературное наследие Михаила Булгакова воспринимается как продолжение золотого фонда русской классики XIX века. В сборник помимо романа «Белая гвардия» вошла пьеса «Дни Турбиных», с успехом шедшая в театрах при жизни автора, а также пьеса «Бег», рассказы и публицистика. Сборник предваряет вступительная статья известного булгаковеда М. Чудаковой.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6я44

© Чудакова М. О., предисловие,
состав, 2022

© Булгаков М. А., наследники, 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-100479-8

Содержание

М.О. Чудакова Третий дебют Михаила Булгакова . . .	7
--	---

РОМАН

Белая гвардия	35
-------------------------	----

ПЬЕСЫ

Дни Турбиных	367
Бег	457

РАССКАЗЫ

В ночь на 3-е число	537
Красная корона	553
Необыкновенные приключения доктора	560
Китайская история	574
Киев-город	586
Налет	598
Воспаление мозгов	607
Я убил	614

ПУБЛИЦИСТИКА

Грядущие перспективы	629
Письмо к советскому правительству Михаила Булгакова	633

ТРЕТИЙ ДЕБЮТ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Как известно, «дебют» — это «начало» (франц.). Понятно, что оно бывает одно — первая публикация, первое выступление на сцене... Но у Булгакова силою вещей — ввиду особой исторической обстановки 1919–1921 гг. — оказалось три дебюта...

О них мы и расскажем.

1

В годы обучения в Первой Киевской гимназии никто не ждал, что Булгаков станет писателем. Да и сам он мечтал отнюдь не о литературной карьере — он хотел быть певцом...

Писать он начал в студенческие годы (на медицинском факультете Университета св. Владимира). Но только в 1916–1917 годах, будучи земским врачом в Смоленской губернии — в селе Никольском, а затем в Вязьме, — последовательно работает над «Набросками земского врача» (будущие «Записки юного врача»).

1917 год перевернул жизнь России — и жизнь Булгакова.

...В 1923 году, оглядываясь на десятилетие назад, Булгаков напишет: «...Это были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей родины жило беспечальное юное поколение. Тогда-то в сердцах этого поколения родилась уверенность, что вся жизнь пройдет в белом цвете, тихо, спокойно: зори, зака-

ты, Днепр, Крещатик, солнечные улицы летом, а зимой — не холодный, не жесткий — крупный, ласковый снег...

...И вышло совершенно наоборот.

Легендарные времена оборвались, и внезапно и грозно наступила история».

В октябре 1917 года Булгаков, в то время — уже врач в Вяземской больнице, заведовавший инфекционным и венерическим отделениями, — ненадолго окажется в Москве.

А на улицах его родного Киева в ноябре 1917 года идут ожесточенные бои. В них участвует младший брат Булгакова, молодой юнкер Николай...

И 31 декабря уже из Вязьмы Михаил напишет сестре Наде: «Я в отчаянии, что из Киева нет вестей. А еще в большем отчаянии я оттого, что не могу никак получить своих денег из Вяземского банка и послать маме. У меня начинает являться сильное подозрение, что 2000 р. рухнут в море русской революции...»

Большевики, захватив власть в стране, национализировали, то есть конфисковали, банковские вклады: для этого сразу же были закрыты все банки.

«...Недавно, — продолжал Булгаков письмо сестре, — в поездке в Москву и Саратов мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах. Видел, как бьют людей. (Татьяна Николаевна говорила мне: «Михаил вообще не мог видеть, как кого-то бьют». — М.Ч.) Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... тупые и зверские лица...

Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных и запертых банков, голодные хвосты у лавок, отравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном; о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах. Все воочию видел *и понял окончательно, что произошло*.

Выделенные курсивом очень редкие в те годы и потонувшие драгоценные слова! Мало, мало кто в России в первые

месяцы после Октября понял так же «окончательно», как Булгаков, что именно произошло в их стране...

Люди в спешке покидали страну — и обещали друзьям вернуться через два-три месяца, потому только, что — «Ну не может же ТАКОЕ продолжаться долго!».

Ни в малой степени не захваченный, как большинство российской интеллигенции, социальными утопиями, доктор Булгаков верно оценил катастрофические последствия яростно навязываемой Лениным стране *диктатуры* как единственного способа правления при движении страны к социализму...

То есть вооруженного насилия одного слоя населения над всеми другими.

Тень этой катастрофы обозначена в романе о Гражданской войне, который Булгаков начнет писать в 1919–1920 годах. (тогда еще не теряя надежды выбраться из Батума в Европу и напечатать роман в Париже!), одной фразой: «...Турбин, ...постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года...»

Зрелище «затравленных и жалких офицеров» глубоко вошло в творческую память Булгакова (офицерская среда была ему знакома и близка) — и вскоре вызвало непреодолимое желание полемики.

Вот почему свой первый роман Булгаков назовет с неслыханной для тех лет дерзостью — «*Белая гвардия*»...

2

...Но до этого еще далеко.

В марте 1918 года, с большими усилиями освободившись от военной службы и от врачебной деятельности в Смоленской губернии (он был командирован туда как военнo-обязанный), Булгаков вместе с женой через Москву срочно уезжал в Киев.

Татьяна Николаевна рассказывала мне в конце 70-х: «...В Киев из Москвы уходил последний поезд — позже нельзя было бы уже выехать».

9

Дело было в том, что еще до Брестского мира Германия заключила с Украиной свои соглашения — и, как пишут историки, 1 марта 1918 года на немецких штыках в Киев вернулась Центральная Рада. А в апреле там уже выбирали «гетьмана всея Украины» Скоропадского...

То есть Булгаков ехал в родной город Киев, который уже не был частью России. Но при немцах там поддерживался какой-то порядок.

Но сама Россия после разгона Лениным в начале января 1918 года Учредительного собрания (выборы которого готовились всей страной много месяцев) потеряла сколько-нибудь легитимные очертания и стала просто захваченной большевиками территорией.

Булгаков завел у себя дома врачебную практику, и на прием к венерологу шло немало солдат...

Россия и Украина после Брестского мира вышли из войны, но Англия и Франция ее продолжали. И осенью 1918 года Германия потерпела чувствительное поражение — предвестие проигранной ею войны. Вслед за тем в ней началась революция — и кайзер Вильгельм бежал из страны... Через несколько лет в романе «Белая гвардия» Булгаков так опишет это важное событие европейской истории:

«Весь мир, ошеломленный и потрясенный, узнал, что тот человек, имя которого и штопорные усы, как шестидюймовые гвозди, были известны всему миру и который был-то уж наверняка сплошь металлический, без малейших признаков дерева, он был повержен. Повержен в прах — он перестал быть императором. Затем темный ужас прошел ветром по всем головам в Городе: видели, сами видели, как линяли немецкие лейтенанты...»

К ужасу киевлян, немецкая армия покидала Город, отправляясь на родину.

А на Киев (в те годы город по преимуществу русский) начал наступление Симон Петлюра — социалист по политическим убеждениям, глава Украинской народной республики. За ним шло огромное войско, состоявшее главным образом из селян, ненавидевших и гетмана Скоропадского,

и большевиков (которых пока знали только понаслышке), и Деникина, и русских офицеров, составлявших немалую часть населения Киева. Армия, сколоченная Петлюрой, во много раз их превосходила. И Булгаков с горечью опишет в романе, как «отваливала» пытавшаяся защитить город «в достаточной мере ошеломленная густым огнем, жиденькая и разношерстная белогвардейская пехота...»

Именно с таким вариантом разливавшейся по стране Гражданской войны столкнулся Булгаков в родном городе. Он будет стремиться избежать мобилизации сначала петлюровцами — и опишет реальный от них побег в ранней редакции романа (см. «В ночь на 3-е число»), а затем — большевиками, вошедшими в Киев в начале февраля 1919 года и заливавшими его кровью до конца августа. Их вытеснила наконец из города белая армия и, открыв подвалы Чека, предъявила горожанам *гофы* расстрелянных, среди которых люди находили своих близких.

Вскоре мобилизованный Добровольческой армией Булгаков выехал на Северный Кавказ, где шли бои белых с Красной армией, — в военный госпиталь во Владикавказе.

...Его жена Татьяна Николаевна, приехавшая к мужу месяца два спустя, рассказывала мне: «...Когда я приехала к нему во Владикавказ, он мне сказал: «Я печатаюсь». Я говорю: «Ну, поздравляю, — ты же всегда этого хотел».

3

Статья «Грядущие перспективы» — скорей всего, первая публикация Булгакова. Он сам оставил нам на это некоторые указания.

Уже в Москве, в конце 1920-х, он составил альбом вырезок — наклеивал отзывы критики (в основном ругательные) на его прозу и на спектакли.

Но открывался альбом не очень понятной страницей...

Обработывая архив писателя в Отделе рукописей тогдашней «Ленинки» (сейчас — Российская государственная библиотека), я размышляла над этой страницей. В самом

ее верху синим карандашом обозначен год: «1919». Естественно предположить, что Булгаков обозначил на первой странице собрания статей о себе год начала своего печатания. И ниже наклеен фрагмент 1-й газетной страницы: кусок названия — «РОЗН» — и под ним дата «13(26) ноября 1919 г.». Название газеты скорее всего было — «Грозный». А искать ее следовало в советских *спецхранах* — спецотделах советских библиотек, где хранилась литература, не прошедшая по тем или иным причинам советскую цензуру, и потому доступ к ней читателей был затруднен.

Это был как раз тот самый случай. В ноябре 1919 года в Грозном была еще власть Добровольческой армии, и было ясно, что изданная при ней газета не может в советские годы находиться в открытом доступе. И я не раз обращалась к поклонникам Булгакова с просьбой о поисках этого номера газеты — в закрытых фондах.

Когда наконец она была найдена, стало ясно, как хитроумно спрятал Булгаков напечатанную там статью (подписанную инициалами, но не оставляющую сомнений в авторстве — и грозящую автору весьма большими неприятностями...) — она напечатана на той стороне страницы, которая была Булгаковым наклеена на лист альбома...

Первой же своей публикацией Булгаков входил в самую сердцевину спора, который идет уже сто лет, — КТО ВИНОВАТ?

Кто виноват в национальной катастрофе, определившей жизнь России на весь двадцатый век?..

Важнейший мотив первой публикации будущего писателя — мотив вины *общенациональной*. Это было при нас — значит, *все мы* повинны в том, что допустили братоубийство, причем в невиданных масштабах. Как скажет в «Белой гвардии» Елена, молясь Богородице о брате, «все мы в крови повинны...».

И мотив *вины* станет сквозным мотивом творчества писателя.

...Статья подводила итоги пережитого за 1917–1919 годы и была окрашена мрачными ожиданиями. Ее автор

понимал (в отличие от многих), что деваться некуда — придется платить по счетам: «Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских...»

Прогнозы его относительно «грядущих перспектив» оказались безотрадными:

«Кто увидит эти светлые дни?

Мы?

О нет! Наши дети, быть может, а быть может, и внуки...»

Это был первый — *белый*, по нашему именованию, — дебют Булгакова.

Зимой 1919–1920 годов в белогвардейских газетах было напечатано немало его рассказов. Они до сих пор не найдены.

4

В начале 1920 года стало очевидно, что красные уверенно теснят белых.

Именно в это время — в феврале — Булгаков решительно порывает с медициной — то есть профессией, в тот исторический момент прямым образом насильственно связывающей любого медика с той или иной властью и ее армией.

Он принял давно созревшее решение — целиком отдаться литературной работе. И год спустя сопровождает посылную в Москву (надеясь получить с ней носильные вещи — свои и жены) наставлением сестре в письме — не вести с приезжей никаких «лекарских» бесед, «которые я и сам не веду, с тех пор, как окончил естественный и занимаюсь журналистикой. Внуши это Константину (их кузену — близкому другу Булгакова. — М.Ч.). Он удивительно тороват на всякие lapsus'ы».

В дни этого серьезного жизненного перелома происходит некая случайность, сыгравшая роковую роль во всей дальнейшей судьбе Булгакова.

В тот самый момент, когда его армия готовилась к эвакуации, он заболел. Татьяна Николаевна рассказывала:

«...Головная боль, температура сорок... Приходил очень хороший местный врач, потом главный врач госпиталя. Он сказал, что у Михаила возвратный тиф: «Если будем отступать — ему нельзя ехать». Однажды утром я вышла и вижу, что город пуст. <...> Во время болезни у него были дикие боли, беспмятство... Потом он часто меня упрекал: «Ты — слабая женщина, не могла меня вывезти!» Но когда мне два врача говорят, что на первой же остановке он умрет, — как же я могла везти? Они мне так и говорили: «Что же вы хотите — довести его до Казбека и похоронить?»

Его армия двигалась по Военно-Грузинской дороге в Новороссийск — там их ждали суда, чтобы переправить в Крым... Судов не хватало. Попавших в плен к красным ожидала страшная участь. В одном из мемуаров о том времени — зарисовка с натуры: «Момент пленения нас большевиками не поддается описанию; некоторые тут же предпочитали покончить счеты с жизнью. Мне запомнился капитан Дроздовского полка, стоявший недалеко от меня с женой и двумя детьми трех и пяти лет. Перекрестив и поцеловав их, он каждому из них выстрелил в ухо, крестит жену и прощается с ней; и вот, застреленная, падает она, а последняя пуля в себя...»

5

Когда Булгаков очнулся от беспмятства — в городе были красные.

Уже шли расстрелы сотрудничавших с белыми. Он уцелел чудом.

Надо было зарабатывать на жизнь. Его взял под свое начало петербургский литератор Юрий Слѣзкин (отраженный впоследствии в «Записках покойника»), уже возглавивший в так называемом «наробразе» так называемый «подотдел искусств».

Его *белый дебют* в ноябре 1919 года, как и все, происходившее с ним с тех пор до февраля 1920 года, — все

это подлежало теперь забвению, поскольку могло стоять жизни.

Булгаков читает в 1-м Советском театре вступительные лекции для малоподготовленной аудитории — перед спектаклями по классическим пьесам (Шекспир и проч.). И сам начинает писать пьесы — для *советского* театра...

Так появляется впервые на страницах его рукописей семья Турбиных — в пьесе «Братья Турбины», — не о 1918-м (как впоследствии в романе «Белая гвардия» и пьесе «Дни Турбиных»), а о 1905 годе.

Пьеса идет на сцене Советского театра.

Это — его «красный дебют».

1 февраля 1921-го Булгаков пишет своему кузену: «Жизнь моя — мое страдание. ...Какая печаль была у меня в душе, что пьеса идет в дыре захолустной, что я опоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать, — писать».

У него написано еще несколько пьес («Самооборона», «Глиняные женихи» и др.), но его самооценка в том же письме — беспощадна: «Рвань все — и «Турбины», и «Женихи», и эта пьеса. Все делаю наспех. В душе моей печаль».

...Эта уничтожающая самооценка свидетельствует: его подлинный дебют еще впереди...

Так или иначе, он в 29 лет — в положении начинающего писателя, что для него, весьма чувствительного к ходу жизненного времени, — почти непереносимо.

И в том же письме Константину Булгакову — крайне важное сообщение:

«Пишу роман, единственная за это время продуманная вещь».

Он сообщает, что надеется покинуть Владикавказ «весной или летом. Куда? Маловероятно, но возможно, что летом буду проездом в Москве. Стремлюсь далеко...».

Последняя фраза прочитывалась его адресатом однозначно, но Булгаков еще посылал ему одну из своих афиш с говорящей надписью — «На память на случай, если не встретимся».

...К этому времени до него, надо думать, дошли сведения о кровавой мясорубке, которую устроил в ноябре — декабре 1920 года в Крыму (куда Булгаков стремился вместе со своей отступающей армией — и не попал из-за тифа) Бела Кун, бежавший из залитой им кровью Венгрии и посланный Лениным на очищение Крыма от «контрреволюционных элементов» (надо ли добавлять, что «венгерский Ленин», как его называли, получил впоследствии пулю в затылок, как и тысячи его жертв?..).

И это, пожалуй, заставляло задуматься о *судьбе* — каким образом то, что было несомненной неудачей, может оказаться в какой-то степени удачей...

Новая власть в Крыму под руководством Белы Куна тысячами уничтожала оставшихся на родине офицеров, обманным образом заставив их зарегистрироваться.

Расправа затронула и семью Булгаковых.

Крестной и воспитательницей самой младшей сестры Булгакова Лели была вдова рано умершего младшего брата Афанасия Ивановича (пригласившего после смерти брата Ирину Лукиничну жить в его доме). Сестра милосердия в санатории в Ливадии, она — вместе с другими медсестрами Красного Креста — не сочла возможным бросить своих больных — солдат и офицеров. 21 декабря 1920 года 16 медсестер были расстреляны у подножия Ай-Петри (как и все лечившиеся в санатории офицеры).

Нет никаких сомнений в том, что Булгаков знал о трагической судьбе своей ни в чем не повинной тетушки (и этот личный его счет к советской власти лег дополнительным камнем в фундамент задуманного им романа о российской катастрофе).

Примечательная черта времени — *никто из родных* погубленной ни в переписке, ни при прямо поставленном вопросе в последние годы (!) этого знания не обнаруживал (подробнее — в статье Е. Пажитнова в Тыняновском сборнике, вып. 13; М., 2009).

В конце мая 1921 года Булгаков уезжает в Тифлис. Туда к нему приезжает из Владикавказа жена. Ни напечатать,

ни поставить на сцене ничего не удавалось. «Мы продали свои обручальные кольца, — рассказывала мне Татьяна Николаевна. — сначала он свое, потом я. Кольца были необычные, очень хорошие, он заказывал их в свое время у Маршака, это была лучшая ювелирная лавка... На внутренней стороне моего кольца было выгравировано «Михаил Булгаков» и дата — видимо, свадьбы, а на его — «Татьяна Булгакова»...»

Потом они переехали в Батум.

«Мы жили там месяца два, — продолжала свой рассказ Татьяна Николаевна, — он пытался писать в газеты, но у него ничего не брали. Очень волновался, что службы нет, комнаты нет. Очень много теплоходов шло в Константинополь. «Знаешь, может, мне удастся уехать», — сказал он. Вел с кем-то переговоры, хотел, чтобы его спрятали в трюме, что ли. Он сказал, чтобы я ехала в Москву и ждала от него известий. «Если будет случай, я все-таки уеду». — «Ну, уезжай». — «Я тебя вызову, как всегда вызывал». Но я была уверена, что мы расстаемся навсегда. Я уехала в Москву...»

Уплыть в Константинополь не удалось.

Очень дорого стоивший ему провал этого судьбоносного плана ярко описан (с несомненной близостью к реальности) в конце первой («кавказской») части «Записок на манжетах»:

«На обточенных соленой водой гольшах лежу, как мертвый. От голода ослабел совсем. С утра начинается, до поздней ночи болит голова. И вот ночь — на море. <...>И вдруг из-за темного мыса — трехъярусные огни.

«Полацкий» идет на Золотой Рог.

.....
Слезы такие же соленые, как морская вода.

...> Вечером идет пароход. Он не хотел меня пускать. Понимаете?

Не хотел пускать!..

Довольно! Пусть светит Золотой Рог. Я не доберусь до него. Запас сил имеет предел. Их больше нет. Я голоден, я сломлен! В мозгу у меня нет крови. Я слаб и бояз-

лив. Но здесь я больше не останусь. Раз так — значит... значит...»

И он отправляется в Москву.

А его представления о мыслях и чувствах тех соотечественников, кому удалось добраться до Золотого Рога, лягут через несколько лет в основание пьесы «Бег»...

6

Он встретился с женой, и они обосновались в одной комнате в большой коммуналке, за которой много-много лет спустя прочно закрепится именование «Нехорошая квартира».

Он готов был начинать литературную жизнь набело.

Для этого необходимо было сделать следующее. Во-первых, напроочь забыть «белый дебют» 1919 года — что бы всплыли когда-нибудь ненароком его в высшей степени критические по отношению к большевикам (а они были люди обидчивые) публикации в белогвардейской печати.

Во-вторых — забыть (тут уже по сугубо личным соображениям) «красный дебют» 1921 года, вынужденный заботой о хлебе насущном. Он сам напишет об этом в автобиографии 1924 года:

«Жил в далекой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. Впоследствии в Москве в 1923 году, перечитав их, торопливо уничтожил. Надеюсь, что нигде ни одного экземпляра не осталось».

...Вот тут он ошибался.

Помню, как Елена Сергеевна прямо-таки со священным ужасом продемонстрировала суфлерский экземпляр худшей, видимо, из этих пьес (оценка дана самим автором: «В смысле бездарности — это было нечто совершенно особенное, потрясающее»), пересланный ей с Кавказа в 1960 году... Но это уже совсем другая тема под названием «Горят ли рукописи?..».

...Теперь перед ним, силою вещей только начинающим свою литературную карьеру, встала одна личная творческая задача — написать роман о российской Ката-

строфе. Но как довести его до печатного вида при жестокой советской цензуре?..

Его решимость поддерживалась сознанием, что этого не делает никто другой...

Фрагмент будущего романа — о беспорядочном отступлении войск Петлюры под натиском красных (материал достаточно безобидный в цензурном отношении!..) — был опубликован в газете «Накануне» 10 декабря 1922 года — всего через год с небольшим после приезда Булгакова в Москву. Тщательно отработанный текст фрагмента дает ясное представление о том, что роман — на подходе. Пока он дает ему название — в какой-то степени, возможно, конъюнктурное — «Алый мах».

На наш взгляд, это не широкий размах алых победных знамен (как полагают некоторые исследователи), а скорее — стремительное движение «красной» конницы (в Словаре Даля — «Мах скакуна, длина раскидки ног»).

Короткое слово, передающее движение, станет прообразом названия будущей пьесы об этом же времени — «Бег».

В мае 1923 года, в разгар работы над романом, он поехал в Киев — его родной город, перенесший за четыре года (1917–1920) больше многих других городов: «Будто уэллсовская атомистическая бомба лопнула под могилами Аскольда и Дира и в течение 1000 дней гремело, и грохотало, и полыхало пламенем...» («Киев-город», 1923).

А дальше — важные слова, которые могли бы послужить прологом к роману «Белая гвардия»:

«Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до одного современных писателей и появится лет через 50 новый настоящий Лев Толстой, будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве. Наживутся тогда издатели на грандиозном памятнике 1917–1920 годам».

Итак — он был уверен, во-первых, что правды об этих годах в Киеве из современников не решится писать никто. Вторая жена Булгакова Любовь Евгеньевна Белозерская, находившаяся все то время в Киеве, рассказывала

мне, что никогда и нигде не видела больше ничего подобного. «Женщину, привязанную за ноги к конскому хвосту, волокут по мостовой, и ее окровавленная голова бьется о булыжники... Тот Киев снится мне до сих пор!!.»

Во-вторых, он был уверен, что только он один сможет это описать...

В городе, куда он приехал пять лет спустя, его преследовали воспоминания, мерещились реальные картины пережитого:

«Если в сумерках пройти по пустынным и гулким широким улицам, охватят воспоминания. Как будто шевелятся тени, как будто шорох из земли. Кажется, мелькают в перебежке цепи, дробно стучат затворы... вот-вот вырастет из булыжной мостовой серая, расплывчатая фигура и ахнет силло:

— Стой!

То мелькнет в беге цепь и тускло блеснут золотые погоны, то пропляшет в беззвучной рыси разведка в жупанах, в шапках с малиновыми хвостами, то лейтенант в монокле, с негнущейся спиной, то выложенный польский офицер, то с оглушающим бешеным матом пролетят, мотая колоколами-штанами, тени русских матросов».

...Булгаков весь день бегал по Москве, добывая деньги на пропитание. А ночью садился писать роман.

Татьяна Николаевна рассказывала мне: «Писал ночами «Белую гвардию» и любил, чтоб я сидела около, шила. У него холодели руки, ноги, он говорил мне: «Скорей, скорей горячей воды», я грела воду на керосинке, он опускал руки в таз с горячей водой...

— Что это было? Сердце?

— Нет, видимо, что-то нервное; он очень уставал...»

7

Завершался роман, и заканчивалось десятилетие его жизни с Татьяной Николаевной; он покидал ее ради Любови Евгеньевны Белозерской и переселялся с Большой Са-